

Праздники не могут быть долгими...

Если это, конечно, настоящие праздники, а не очередная порывавшая дата на спине бесконечного календаря времени.

У праздников нет графиков и расписания, их нельзя назначить или отменить... Даты, отмечающие то или иное событие, отличное от будничных, — это всего лишь цифры, на которые приглашают взглянуть, перед ними останавливаются, задумываясь, возможно, нечто совершить или, вздыхая, постараться забыть... Даты — индифферентные числа безмерного потока дел, напоминающие, что именно в этот день можно, а кому-то и нужно создать торжество. Создать! У кого-то, получается, удаётся в суматоху будней записать контуры обязательной даты празднества, но не праздника. А большинство равнодушно остаются далеко-далеко даже за тенью неизбежных улыбок, тоскливых приветствий, официальных встреч, поспешных фейерверков, салатно-бутербродных банкетов... Остаются тенью в тени оживлённой даты. Настоящий праздник — радость, настоящая на ожидании. Она не может прийти к человеку вместе с цифрой календаря, даже с первыми лучами солнца или с колокольным звоном будильника. Каждый радуется по-своему. У любого свои, собственные праздники, которых нет ни в одном численнике Вселенной. Они есть в крохотном, но радужно-ярком мире только своего счастья...

Праздники не могут быть долгими.

Вокзал. На перроне двое: он высокий, черноволосый, черты лица мягкие, округлые, глаза небольшие, серые, припухшие от череды бессонных ночей, но выбрит тщательно. Она маленькая, хрупкая, волосы коротко острижены, светлые, ротик небольшой, впрочем, как и подбородок и слегка капризно вздёрнутый носик, две крохотные, но очень симпатичные ямочки на припухших щёчках, и только глаза — огромные-огромные, золотисто-карие, яркие, словно солнечные лучики заглянули в них и, удивлённые, застыли. Он смотрит то на неё, то на тень стоящих рядом вагонов поезда, то изредка косится на часы... Говорит медленно, тихо, словно спортсмен из последних сил после финиша.

— Я тебе так благодарен за эти три дня, так это неповторимо, я никогда не был так счастлив... Я люблю тебя! Бесконечно, искренне! Я... Я... Вот увидишь, я буквально за считанные дни разгрёбусь с делами и обратно... Ты не представляешь, как мне больно, как мне не хочется отсюда уезжать, от тебя, от моей прежней изумительной жизни, от нашего сегодняшнего настоящего праздника и долгожданного, совсем близкого счастливого будущего...

Она усмехается, но еле заметно, словно морщится, отталкая дыхание холодный ветер и его слова. Отвечает ласково, голос слегка подрагивает.

— А помнишь, всего полгода назад ты стоял на этом перроне и уверял, будто только месяц или от силы два тебе необходимы, чтобы обжиться на новом месте, и ты обязательно возвратишься и забереешь меня...

— Помню, конечно, помню... И я так благодарен тебе за то, что за все прошедшие три

дня ты ни разу не заговорила о моём обещании. Не напоминала. Я очень... я благодарен... я... вот увидишь, всё будет хорошо, даже отлично, просто претотлично... я вернусь! Поверь, мне совсем не хочется от тебя уезжать, мне плохо без тебя, очень скверно там одному, в чужом городе! Я тебя лю...

— Не надо признаний! Возьми меня с собой! Пожалуйста!

— Я тебе уже говорил, сейчас не те обстоятельства, возможности...

— Тогда оставайся здесь, со мной!

— А дела, бизнес? Там наше будущее, основа для большего и основательного...

— Но вчера ты уверял, что приехал на пять дней, а прошло всего-навсего три, и ты вдруг уезжаешь после нелепого ночного звонка. Впервые за полгода и всего три дня вместе!

— Да, я говорил, но, но... так получилось, срочно позвонили, приходится подчиниться, выбирать, но я вернусь, я обязательно вернусь, я тебя только одну ценю, люблю оче...

Он пытается её поцеловать, девушка резко отворачивается, надменно скривив губы. А рядом торопятся пассажиры, обречённо за ними спешат провожающие. Проводники громко напоминают, что до отправления поезда остаются минуты... Мужчина волнуется, начинает заикаться.

— Ты неправильно меня поняла, совершенно неправильно.

Он достаёт билет, берёт у неё из рук зажигалку. Бумага вспыхивает быстро, горит ослепительно и долго. Она смотрит на пламя и хмурится, но улыбаются её солнечные глаза, затаённые ямочки на щеках, даже носик, маленький, миленький, глядя на огонь, вздёрнулся и смеётся тоненькой морщинкой.

— Ты знаешь, я тебе совсем забыла сказать, да, забыла за эти праздники! Я тоже уехала из нашего города. А когда ты прислал моей маме телеграмму о том, что решил заглянуть, она позвонила, и вот я здесь. Возможно, мы приехали одним и тем же поездом. Возможно! Не удивляйся! Я уже давно живу рядом с тобой. И часто вижу тебя, и не одного вижу... и не хочу мешать вашему... твоим... Не хочу... отревела... А здесь только мама. А меня — меня нет! Слышишь! Нет! А то, что было — просто праздник, который я захотела себе устроить. Ты для неё каждый день. Ты для неё будни, а для меня праздник! Я имею право на праздник!

Состав покачнуло, лязгнули оковами вагоны, и поезд, ухнув от натуги, медленно-медленно пополз. На фонарном столбе замерли любопытная сорока и

Александр АМУСИН

рассказ

МЕНЯ ЗДЕСЬ НЕТ

— Я тебя действительно люблю, и все эти годы мне никто никогда, совершенно никто не был...

— А ты докажи это.

— Как? Вернуться? Бросить Москву, дела? Но я уже...

— Нет, останься хотя бы ещё чуть-чуть, а завтра уедешь!

Она достаёт у него из одного кармана билет, из другого зажигалку.

— Ну, решайся, если, конечно, всё, что заявляешь, правда! Я тебе, несомненно, очень благодарна за праздник, что устроил для меня в эти три дня. Благодарна. Но я женщина, и если ты действительно любишь, я имею право сказать, что мне мало... С... с... совсем мало... совершенно!

Он молчит, краснея, глядит то на билет, то на зажигалку. Отворачивается. Отвечает нерешительно:

— Но ведь его можно просто сдать обратно, получить деньги, пусть не все, но...

— Понятно! Романтически влюблённый юноша стал деловым и рациональным мужичком?

Она запихивает билет обратно в карман, всхлипывает.

угрюмый ворон. Сорока тарасилась на женщину, а ворон уставился на мужчину. Стайка беспокойных сереньких воробьёв, словно пеллом, рассыпалась по крыше вокзала. Женщина всхлинула, взглянула любимому в глаза, погладила двумя пальцами по щеке и побежала к уползающему поезду, прыгнула в вагон, обернулась и крикнула:

— Меня здесь нет, слышишь — нет! Спасибо за праздник! Спасибо! Слышишь! Меня здесь нет! А ночной звонок это я тебе организовала! Я! Не хочу, чтобы ты превращался в будни! Праздники не могут быть долгими!

Изумлённый мужчина поднял руку с зажигалкой, покосился на плакат с расписанием, кинулся к вагону, остановился и швырнул зажигалку под колёса поезда. Они стучали о чем-то, о своём, но ему казалось, они кричат на весь вокзал, на весь город, на всю Вселенную!

— Праздники не могут быть долгими, не могут быть долгими, быть долгими, долгими... не могут... Если это настоящие праздники... настоящие... настоящие... настоя... пра... пра...

Главное — русское слово

Творческие вечера, которые многие годы проводит поэт Анатолий Парпара, неизменно отличаются от многих подобных мероприятий тем, что поток словесности здесь сведён к минимуму.

Главные темы встреч — что в Центральном доме литераторов, что в Центральном доме работников искусства и в библиотеках Москвы, а то и городах и всях нашего отечества — русское слово, болевые точки общества, новый взгляд на отечественную историю, защита русской словесности. Именно словесности, как верно отметил Анатолий Анатольевич, открывая свой вечер, посвящённый выходу двух новых книг. Действительно, русский язык — в плену невежд, катастрофически засоряется иностранщиной, которая зачастую меняет смысл и подменяет понятия.

После долгого издательского молчания у поэта появились две новые книги: том поэзии «На перетопке двух тысячелетий» и 4-й том первого собрания сочинений, куда вошла и проза, в том числе многолетняя работа «Державные строители России» об охранителях и заботниках русской земли: от Александра Невского до Ивана Великого, а также цикл очерков о героях войны 1812 года: Михаиле Кутузове, Михаиле Воронцове, Алексее Ермолове...

«Прочитав "Державные строители России", — сказала поэт и публицист Ирина Ушакова, ученица Парпары, — мы обозначим для себя ценности, которые отстаивали наши предки, а, возможно, наметим ориентиры для будущего строительства России. Подобные книги будут полезны при составлении школьных и вузовских учебников истории, или на факультативах».

На вечере Анатолий Парпара читал не только свои стихи, но и представил друзей-поэтов: Анатолия Пшеничного, Сергея Каратова, Григория Калужного, Александра Кувакина и других. В зале не было благостной атмосферы, потому что выступавшие говорили о болевых точках, зато была атмосфера подвижничества и понимания. Говорили о месте писателя в истории, о влиянии русского слова на общество, с горечью отмечали, что школьные программы написаны за границей, а высшее образование стало предметом торга. Нельзя благодушно взирать, как обольняется народ, поэтому задача писателя — разоблачать ложные идеи, проповедовать те истины, которые способствуют воспитанию гармоничного, духовного человека.

Пара слов о личности Анатолия Парпары. Он — лауреат Государственной премии РСФСР им. М.Горького, председатель общественного фонда им. М.Ю. Лермонтова. Его детство пришлось на трудные, жестокие годы войны, голод, холод и лишения. В таких условиях человек или ломается, или закаляется. С будущим поэтом случилось второе. Неслучайно его перу принадлежит одна из лучших современных песен о родине «Россия не погибнет никогда». Хочется пожелать ему сил и здоровья, и новых интересных произведений.

Борис ВИЛЕНСКИЙ